

Прот. С. ЧЕТВЕРИКОВ

Открытое письмо Н. А. Бердяеву

Глубокоуважаемый Николай Александрович!

В третий раз я берусь за перо, чтобы на этот раз высказаться по поводу Вашей последней статьи «Дух Великого инквизитора» в № 49 «Пути». Кому-нибудь со стороны может показаться даже смешным, что я считаю как бы своим долгом откликаться печатно на каждую Вашу статью.

Но сейчас я действительно не могу молчать. Если я промолчу, то, мне кажется, я своим молчанием солидаризуюсь с Вами в Вашем отзыве о русской иерархии, о Русской Церкви, о православии. А с этим не мирится моя совесть. Если с другими Вашими статьями я могу не соглашаться, то последняя Ваша статья меня глубоко оскорбила и возмутила не только своим тоном, отдельными выражениями, но, главным образом, Вашим отношением к Церкви. Я был бы очень рад увидеть, что я ошибаюсь, что я не понял Вас. Вот почему я и пишу Вам, в надежде что Вы сможете разубедить меня. Если я понял Вас неверно, простите меня, но я должен сказать Вам то, что я думаю и что тяготит мою душу.

Вся Ваша статья дышит *высокомерным пренебрежением* к Русской Церкви и ее иерархии, и в этом заключается ее глубоко обидный смысл. Если бы Вы сгоряча выбрали того или иного иерарха или то или иное явление в русской церковной жизни, это не было бы обидно — праведный гнев, как бы он ни был суров, всегда понятен и всегда простителен. Но в Вашей статье звучит не праведный гнев, а *презрение, осуждение всей* русской иерархии, *всей* Русской Церкви. Вы как бы отделяете себя от Русской Церкви и противопоставляете себя ей в своей праведности и высоте. И у меня невольно возникает вопрос — с Церковью ли Вы или против нее? Я был бы счастлив получить

от Вас на этот вопрос ясный и успокаивающий ответ. Говорят, что Вы в своей статье выступаете поборником правого дела. Но разве можно защищать правое дело, возводя на других неправду?

Я вспоминаю близкого Вам Ф. М. Достоевского. И он иногда очень резко говорил о Русской Церкви и об отдельных представителях ее клира. Но у него сквозь резкие слова всегда чувствовалась искренняя любовь к Церкви, *вера в нее*. Он видел в ней сердце, весну духовной жизни русского народа и признавал, что Церковь сохранила в русском народе чистый Лик Христов во всей его неповрежденности.

Такого отношения к Русской Церкви нет в Вашей статье.

Я, как и Вы, осуждаю указ м<итр>. Сергия, но по другим соображениям. Я не разделяю Вашего мнения, что *свобода* есть высшая ценность.

Высшею ценностью жизни является не свобода, а *истина*, ибо только истина обеспечивает полную свободу (Иоанн, VIII, 32). Кроме того, я не нахожу, что церковная иерархия совершает посягательство на свободу, когда указывает неправду того или другого богословского мнения и предостерегает паству от принятия этого мнения. Иерархия не только имеет право, но и обязана охранять чистоту церковного учения и бороться с его засорением неправильными мнениями.

В этом заключается одна из ее основных обязанностей, и эта обязанность неоднократно указана ей и самим Иисусом Христом и апостолами. И если бы иерархия перестала говорить, то оказалось бы, что в Церкви имеет право говорить каждый, только не иерархия.

Неправда м. Сергия не в том заключается, что он поднял голос в защиту истины, а в том, что он заговорил о предмете, с которым не ознакомился предварительно. Это первое. А вторая его неправда, как и неправда Карловацкого Собора¹, заключается в том, что они поторопились со своим заключением. Они произнесли судебный приговор, тогда как на самом деле необходимо было произвести предварительно всестороннее и благожелательное рассмотрение оспариваемого вопроса. Ведь и сам автор оспариваемых богословских мнений не упорствует в их непогрешимости и готов выслушать их критику. Какая же была необходимость ставить его в положение подсудимого и требовать от него осознания своей вины и покаяния?

Однако неправда отдельных иерархов и есть только их личная неправда, а не неправда всей Русской Церкви или всего православия. Между тем Вы ставите вопрос о «возможности

мысли в православии», Вы спрашиваете: «Есть ли православие религия свободы духа или инквизиционный застенки?» Вы обвиняете всю русскую иерархию в приписываемости себе «непогрешимости, превышающей папскую непогрешимость». Вы иронизируете, что «нужно быть лавочником или консисторским чиновником» (т. е. человеком невежественным или формалистом), для того чтобы усваивать «тайны православия», и забываете, что именно «лавочники» не раз спасали православие в тяжкие эпохи русской церковной истории. Вы называете православие русской иерархии «рабьей и темной религией» и противопоставляете ему русскую религиозную мысль конца XIX и начала XX века, без которой все русское церковное прошлое представляется Вам «пустыней»... Но так ли это? Никто, знающий, любящий и ценящий Русскую Церковь, не назовет «пустыней» то прошлое русского народа, где сияют труды и подвиги Киево-Печерских иноков, государственная деятельность таких князей, как св. Александр Невский, миссионерские труды Леонтия Ростовского, Стефана Пермского или Иннокентия, митрополита Московского, деятельность Западно-русских братств, подвиги Сергиев Радонежских², Серафимов Саровских, русское старчество XIX века и т. д. Правда, у нас не было *книжной* религиозной философии, но мы не были лишены *жизненной* религиозной философии, *жизненной* религиозной мудрости и своеобразной духовной православной культуры, светившей русскому народу из монастырских келий.

Бога, как Вы и сами утверждаете в книге «Я и мир объектов», можно познавать не только научно, объективно, внешним образом, путем рассудочных умозаключений, но и субъективно, внутренним непосредственным восприятием, чистым сердцем и подвигом веры. Этим именно последним путем преимущественно и познавался Бог в русском православии, хотя оно не чуждо было и внешнего богопознания. Весь этот многовековой период внутреннего познавания Бога и жизни в Боге для Вас как будто не существует, и подлинная религиозная жизнь начинается в России только с конца XIX века, с появления новой религиозной философии. Так же Ваше утверждение равносильно отрицанию Русской Церкви. Вы упрекаете м. Сергия в том, что он односторонне понимает смысл Боговоплощения, рассматривая его исключительно как дело спасения, а не как продолжающееся миротворение. Христианская Церковь всегда признавала и признает, что Сын Божий сошел с неба на землю «нас ради человек и нашего ради спасения». Сам Иисус Христос говорил о Себе, что Он пришел «взыскать и спасти погиб-

ших». Эту истину исповедует каждый христианин, приступая к Св. Чаше: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живого, пришедший в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз». Эту радостную для грешника истину спасения Вы называете «утилитарным пониманием христианства» и утверждаете, что «сведение всего христианского мирозерцания к сотериологии дает возможность укреплять организацию власти» (?). По Вашим словам, «за этим скрыты инстинкты господства и власти». Искажая смысл глубочайшего и трогательнейшего догмата Боговоплощения, Вы этим несомненно содействуете разложению правильного понимания христианства в русском обществе и в русской молодежи. Истину великой тайны нашего спасения через Боговоплощение Вы подменяете теорией миротворческого процесса.

Вы ставите в укор м. Сергию и упоминание о вечных адских муках, учение о которых будто бы «всегда было опорой власти, господства и религиозной тирании». Но ведь Вы сами знаете, что учение об адских муках не есть выдумка церковной иерархии, а совершенно ясные евангельские слова (Мф., XXV, 46).

Затем Вы переходите к «основному вопросу об ортодоксии и ереси» и говорите, что «эти понятия носят социологический характер. Ортодоксия есть религиозное сознание коллектива, и за ней скрыто властвование коллектива над своими членами. Это есть организованное господство рода над индивидуумом». Может быть, в известных случаях Вы и правы: ортодоксия и ересь получают классовый характер и выражают традиционное мнение господствующего большинства, с одной стороны, и самостоятельное, свободное суждение меньшинства, с другой стороны. «Еретиками» оказываются люди живые, не мирающиеся с общепринятой бездушной рутинной я подвергающиеся за это гонениям, И в этих случаях название «еретик» приобретает даже лестный характер, свидетельствуя об оригинальности, независимости и смелости человека, выступающего против установившейся традиции.

Однако этот смысл понятий ортодоксии и ереси не имеет никакого отношения к православию. В Православной Церкви под именем православия (которое в этом случае надо отличать от термина «ортодоксия») разумеется верность чистому, беспримерному учению Церкви; под именем же ереси разумеется отступление от чистоты церковного учения и его искажение. И то и другое, т. е. и православие и ересь, определяются в Церкви по признаку истины, а не по признаку большинства или меньшинства голосов, а также и не по классовому признаку.

Поэтому в истории Церкви бывали случаи, когда православие представлялось одним человеком (Василием Великим, Максимом Исповедником и др.)³, а на стороне ереси были подавляющее большинство и сама императорская власть. И все-таки православие оставалось православием, т. е. истиной, а ересь оставалась ересью, т. е. ложью.

Я не мог не высказать Вам всех этих моих недоумений и вопросов, вызванных Вашей последней статьей, и я буду Вам очень благодарен, если Вы ответите мне на них так же охотно и обстоятельно, как Вы и раньше мне отвечали, и, главное, ответите на самый мучительный для меня вопрос — с Русской ли Вы Церковью или против нее?

Глубоко уважающий Вас
Протоиерей *Сергий Четвериков*.
2 III 1936

